

ХАНЬ ФЭЙ-ЦЗЫ

КНИГА ЗАКОНА И ПОРЯДКА

СОВЕТЫ
РАЗУМНОМУ ПРАВИТЕЛЮ

Хань Фэй-цзы

**Книга закона и порядка.
Советы разумному правителю**

«Центрполиграф»

УДК 355.4
ББК 68

Фэй-цзы Х.

Книга закона и порядка. Советы разумному правителю / Х. Фэй-цзы — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07806-3

Хань Фэй-цзы в своем трактате подверг критике догмы конфуцианства. Конфуций учил, что властные полномочия правителя предопределяются его добродетельностью. Никто не обязан подчиняться недостойному правителю. Хань Фэй-цзы считал, что власть не должна стремиться к утверждению справедливости и добродетели. Моральные качества правителя никак не влияют на обязанность подданных следовать его повелениям. Исконный и неизменный принцип мироздания состоит в том, что подданный служит властителю, сын – отцу, а жена – мужу. При этом подчинение государю важнее, чем семейные обязательства. Порядок в обществе поддерживают законы, которые принимает государь. До тех пор, пока закон не отменен, каждый, не исключая и самого государя, должен следовать ему вне зависимости от того, справедлив этот закон или нет. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-227-07806-3

© Фэй-цзы Х.
© Центрполиграф

Содержание

От издательства	6
Любовь к сановникам	7
Путь владыки	8
Обладание мерой	11
Два средства	16
Возвышение власти	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хань Фэй-цзы
Книга закона и порядка.
Советы разумному правителю

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От издательства

Отпрыск царского дома Хань, Хань Фэй (279–233 до н. э.) вместе с Ли Сы прошел обучение у ведущего конфуцианца своего времени – Сюнь-цзы¹. То ли из-за дефекта речи, то ли из-за отсутствия интереса к его воззрениям со стороны ханьского правителя Хань Фэй принял за сочинительство. Среди почитателей его трудов оказался и будущий император Цинь Шихуан².

Когда Цинь Шихуан вторгся в пределы Ханьского государства, правитель направил Хань Фэя на переговоры с императором. Хотя Цинь Шихуан был, судя по всему, польщен вниманием философа и планировал приблизить его к себе, Ли Сы, опасавшийся его соперничества, велел взять Хань Фэя под стражу по обвинению в двурушничестве и заставил его принять яд.

В своем основном труде – трактате «Книга закона и порядка», состоящем из 55 глав, Хань Фэй подверг критике догмы конфуцианства. Ему претили их незыблемость и консервативная направленность. Нормы поведения вовсе не неизменны, а зависят от экономических обстоятельств. В урожайный год люди щедры и гостеприимны, в голодный год каждый думает только о себе.

Конфуций учил, что властные полномочия правителя предопределяются его добродетельностью. Никто не обязан подчиняться недостойному правителю. В этом пункте Хань Фэй тоже расходится со своими предшественниками. Власть не должна стремиться к утверждению справедливости и добродетели. Моральные качества правителя никак не влияют на обязанность подданных следовать его повелениям.

Хань Фэй писал, что исконный и неизменный принцип мироздания состоит в том, что подданный служит властителю, сын – отцу, а жена – мужу. При этом подчинение государю важнее, чем семейные обязательства. Порядок в обществе поддерживают законы, которые принимает государь. До тех пор пока закон не отменен, каждый, не исключая и самого государя, должен следовать ему вне зависимости от того, справедлив этот закон или нет.

Ключевым понятием учения Хань Фэя является «техника управления» (шу). Если государь не хочет потерять власть и оказаться заложником собственных подчиненных, он не должен доверять никому. Интересы государя и подданных по природе несовместимы. Следует избегать излишнего сосредоточения власти в руках одного чиновника. Если чиновник не выполнил либо перевыполнил поручение государя, он должен подвергнуться каре.

Когда внутри государства установлены мир и покой, государь вправе позаботиться о расширении границ своего государства военными средствами. Военная мощь возникает там, где цветущее хозяйство. Поэтому государь должен считать единственным полезным занятием подданных ведение сельского хозяйства. Все остальные занятия, особенно ученые, должны прекратиться.

Давать милостыню нищим глупо и несправедливо, равно как и перераспределять доходы богатых в пользу бедных. По словам Хань Фэя, это равнозначно грабительству рачительных и прилежных с целью удовлетворения расточительных и ленивых.

¹ Не следует путать с великим полководцем Сунь-цзы. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Цинь Шихуанди – правитель царства Цинь (с 246 до н. э.), положивший конец двухсотлетней эпохе Воюющих царств. Он установил единоличное господство на всей территории Внутреннего Китая и вошел в историю как правитель первого централизованного Китайского государства. Основанная им династия Цинь, собиравшаяся править Китаем на протяжении 10 тысяч поколений, была свергнута через несколько лет после его смерти.

Любовь к сановникам

Если любимцы-сановники слишком близки, они обязательно поставят (правителя) в опасное положение. Когда чиновники слишком возвышаются, они непременно сменят государя; если императрица и другие жены занимают равное положение, наследник престола обязательно будет в опасном положении; если братья (государя) не покорны, династия непременно окажется в опасности.

Я слышал: если государь, владеющий 1000 колесниц, не принимает мер, то у него сбоку окажется сановник с 100 колесницами, чтобы привлечь на свою сторону народ и погубить его государство; а у государя, владеющего 10 000 колесниц, обязательно найдется сбоку семья с 1000 колесниц, чтобы приобрести авторитет (в ущерб государю) и погубить его владение.

Поэтому, когда увеличиваются коварные предатели, путь владыки рушится и гибнет. Вследствие этого можно считать, что выдающееся положение удельных князей – вред для сына неба, чрезмерное богатство сановников – гибель государя.

Правитель избегает того, чтобы военачальники и министры управляли государем и возвышали свои семьи.

Дороже всего на свете высокая знатность личности, необычайный почет положения правителя, высокий авторитет и значительность власти правителя. Этих четырех прекрасных качеств не ищут вне себя и не просят их у людей, приобретая их в силу долга. Если правитель соответствует занимаемому положению, он приобретает их. Поэтому я и говорю: если государь не в состоянии пользоваться своим богатством, он будет ограблен сановниками, это правители знают.

Поэтому разумный государь, держа сановников, подчиняет их всецело закону, исправляет, принимая меры против них. Ради этого он не избегает от смерти, не оказывает снисхождения при наказаниях. Оба последних обстоятельства – дробление авторитета, и в этом случае династии будет грозить опасность и влияние государства падет.

Вследствие этого, хотя содержание сановников значительно, они не могут свободно облагать налогами городские рынки. Хотя у них и много сторонников, но они не могут считать военных своими вассалами. Поэтому сановники в государстве не имеют приемов у себя, служа в войсках, не имеют сношений личного (для них полезного) характера. Они не могут держать вещи из складов и амбаров государя в своем доме. Этими способами разумный государь налагает запрет на их лживость, и им нельзя ездить в экипажах четверкой в сопровождении конвоя. Они не возят с собою оружия, не пересылают (как государь распоряжений с особыми курьерами); за первое наказывает смертью и не милует.

Так разумный правитель готовится на случай непредвиденной опасности.

Путь владыки

Путь есть начало всех вещей, основа для определения истины. Поэтому разумный государь хранит первое начало для познания источника всего существующего и правит второю для понимания причины процветания и упадка.

Соблюдая беспристрастие и спокойствие, он ждет воздействия, предоставляя решение судьбе, а делу определиться самому. При беспристрастии знают истину, при спокойствии являются образцом действий. Говорящие сами дают имя (решение); имеющие дела сами дают форму.

Если слова и действия оказались соответствующими одни другим, у государя нет тогда дел, ибо все делают чиновники.

Он направляет чиновников к истинным чувствам. Поэтому и говорится, что государь не показывает своих желаний: при обнаружении последних чиновники станут прикрашивать свои слова.

Правитель не обнаруживает своих мыслей; если он делает это, чиновники стараются показать свои выдающиеся качества. Поэтому сказано: «Если удалить симпатию и антипатию, чиновники обнаружат свои истинные чувства; если расстаться с прошлым и мудростью, тогда чиновники будут принимать меры к улучшению».

В силу этого он, обладая мудростью, не применяет ее в думах, заставляя всех знать свое место. Имея способности, не прилагает их: он наблюдает за тем, что руководит чиновниками. Будучи храбрым, сдерживает себя: он заставляет чиновников проявить свои военные способности.

Итак, он удалил свою мудрость, и чиновники стали разумны, с устранением добродетели (способностей) они имеют заслуги; он удалил храбрость, а те стали сильны.

Сановники блюдут свои должности, чиновники имеют постоянные правила, и их он назначает соответственно способностям. Это называется привычкой к постоянному. На основании этого и говорится: «Он спокоен, как будто у него нет престола; он высок так, что не постичь его места».

Разумный владыка бездействует, а чиновники трепещут. Путь разумного правителя заключается в том, чтобы заставить мудрых исчерпать свои умственные силы, он же, руководясь этим, решает дела, почему не истощается государь в мудрости; способных приложить свои таланты, и он, на основании их, назначает чиновников, поэтому не истощается государь в способностях. При наличии заслуг на долю государя приходится добродетель, в случае же ошибок с чиновников взыскивают за вину, – не исчерпывается тогда слава правителя.

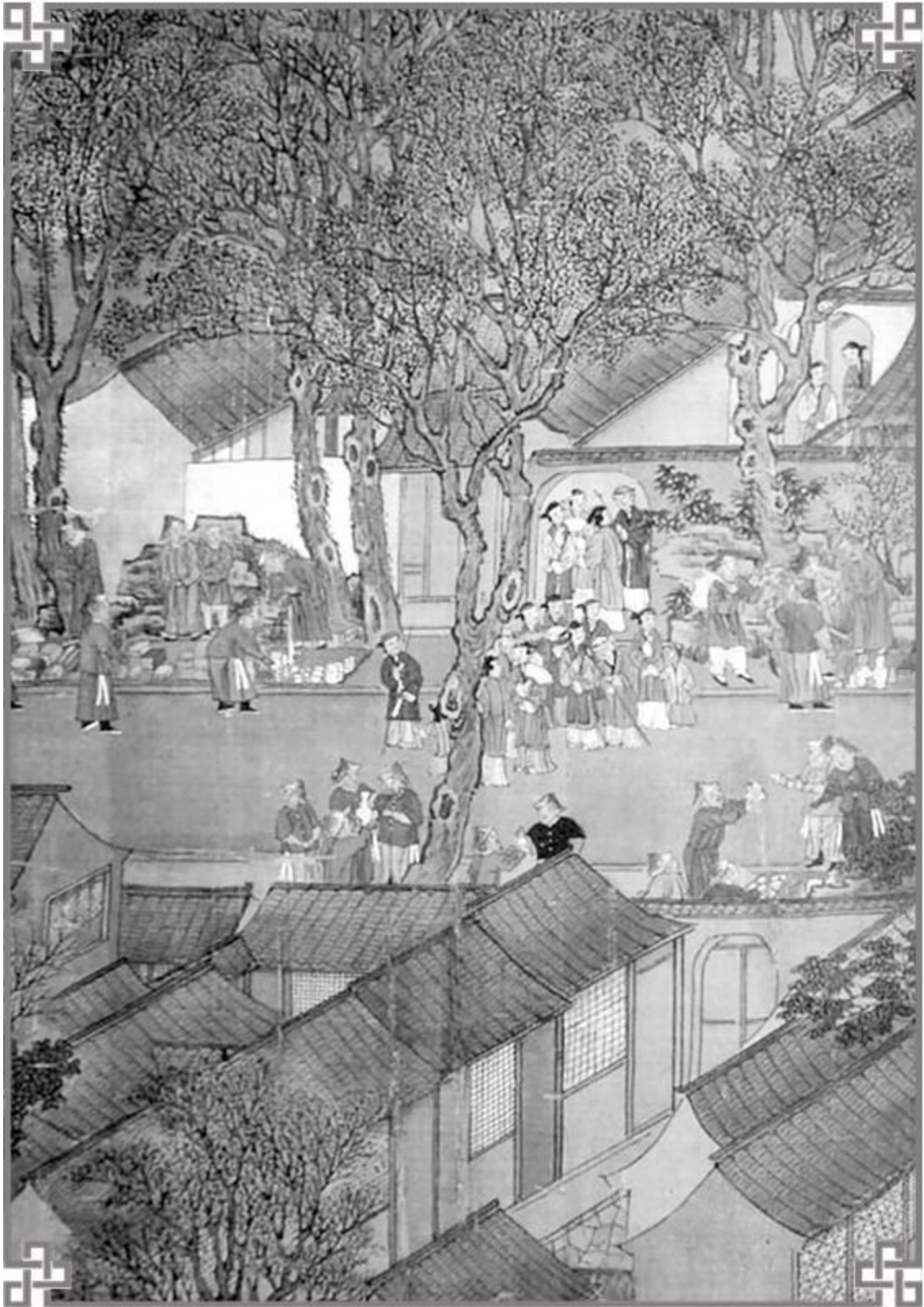
В силу этого, не будучи добродетельным, он является учителем способных; не будучи мудрым, он глава мудрых. Чиновники трудятся, а на долю повелителя приходится успех. Это путь способного (добродетельного) правителя.

Путь в том, чтобы его не видели, применение – чтобы его не понимали.

Государь беспристрастен и спокоен, и нет у него дела. Своим кажущимся неразумием он видит ошибки. Видит, но не показывает; слушает и как будто не слышит; знает и, если судить по виду, не знает. Он понимает, что говорят ему, дабы отправить на должность; не изменяет своих взглядов, дабы совокупно проверять все.

Если на должность он назначает одного, не позволяя чиновникам вступить в сговор, тогда все окажется исчерпанным. Он скрывает свои следы, таит основания своих поступков, дабы чиновники не воспользовались ими; удаляет свою мудрость, пресекает свои способности, дабы низшие не могли разгадать их: охраняет от людей то, что им руководит в действиях, разбирая тех, кто мыслит с ним одинаково. Он внимательно распоряжается своею властью, твердо владея

ею; пресекая надежды чиновников, направляет людей так, чтобы они не желали заполучить его власти.

Если не закрыть внимательно дверей и не сделать крепкими ворот, тигр окажется за ними. Коли не быть осторожным в своих делах, не скрывать своих чувств, появятся разбой-

ники; они убьют государя и заменят другим на престоле, и все будут на их стороне. Поэтому и называют таких людей тиграми.

Живя подле государя, они будут предателями-сановниками; они наблюдают за погрешностями государя, почему их называют разбойниками. Рассеяв их шайки и забрав оставшихся, закрой ворота, лиши их поддержки, и в государстве не будет тогда тигров.

Мыслей государя нельзя измерить, нельзя разгадать. Объединив и сделав тождественными идеи и содержание их, он расследует и проверяет меру закона, казня поступающих самовольно. В государстве тогда не будет разбойников.

Итак, у государя бывает 5 родов преград, когда низшие не получают к нему доступа: сановники закрывают его, они распоряжаются финансами, самовольно издают указы, могут поступать согласно чувству личного долга, могут назначать чиновников. В первом случае владыка теряет престол, во втором свои добродетели награждают сановники, и их славят за это; в третьем он утрачивает свое управление, ибо оно переходит к сановникам, в четвертом – теряет славу и в пятом – своих сторонников.

Государь действует самостоятельно в названных случаях, и этими прерогативами не могут распоряжаться сановники.

Путь правителя заключается в том, что он считает спокойное удаление от дел за важное преимущество, лично ничего не делая и только решая и контролируя, он знает неумелых и искусных; не раздумывая, он понимает, где счастье и где беда.

Поэтому он не говорит, и добро приходит, не договаривается о совершении, а добро увеличивается. Если слова и дело совпали, держит в своих руках их доказательства для проверки; дело прибавилось, проверяет сличением. Результат проверки есть источник награды или наказания.

Поэтому чиновники излагают свои слова, и государь, руководясь последними, поручает им дела и по ним требует исполнения; если исполнение оказалось соответствующим делу, а оно, в свою очередь, словам, – награждает, в противном случае – наказывает.

Согласно пути разумного правителя, сановники не могут говорить не соответствующих делу слов, поэтому он в своих наградах приятен, как своевременный дождь, и народ пользуется его благодеяниями. В наказаниях он грозен, как гром, которого не могут понять ни духи, ни святые. Разумный государь не награждает украдкой и не милует в наказаниях.

В первом случае способные к выполнению дела чиновники забросят свои дела, во втором предатели станут легко совершать зло. Поэтому если действительно есть заслуги, то награждают, хотя это и было бы лицо, не стоящее близко к государю или низкое, а если действительно есть проступки, наказывают, хотя это и был бы человек близкий и любимый. Если казнить неукоснительно близких и любимых, то посторонние и низкие не станут нерадивы, а первые не будут горды.

Обладание мерой

Государств не бывает постоянно слабых или всегда сильных. Когда сильны исполняющие закон, государство сильно, в противном же случае оно слабо и погибает.

Причиной гибели сильных царств было то, что сановники и чиновники их трудились над тем, что вело к смуте, а не занимались тем, чем достигался порядок, – в этих государствах была смута, и они были слабы; притом они, оставив законы, занимались личными делами. Это равносильно тушению огня хворостом, так как при этом условии наступит еще большая смута и ослабление.

Поэтому в настоящее время у тех, кто в состоянии будет устранить личное и незаконное и стремиться к общему благу и закону, народ успокоится, и государство устроится.

У тех же, кто сможет удалить действия личного характера и поступать согласно закону, войско будет сильно, а враг ослабнет, так как, если разобраться и приобрести правление, основанное на законе, поставив его выше чинов, нельзя будет обмануть государя коварством и лживостью.

Если узнать точные, как на весах, сведения о происходящем и применять их, слушая об отдаленном, государя нельзя будет ввести в обман относительно положения вселенной.

Допустим, что на основании общего одобрения выдвигают способных людей, тогда сановники отделяются от государя, а низшие разобьются по партиям; если же выбирать чиновников по принадлежности к известной партии, то народ будет стремиться к близости к ним, не заботясь о применении закона.

Назначение чиновников не по их способностям указывает на смуту в государстве, как результат того, что похвалу народа считают за награду, а порицание за наказание. Тогда люди, любящие награду и не терпящие наказаний, перестав действовать в целях общей пользы, будут поступать, преследуя личные выгоды, станут партийны, действуя один для другого.

Они забудут о государе, дружа с людьми, дабы выдвинуть своих сторонников, – мало тогда сделают чиновники для государя. Если их сношения будут многочисленны, а сторонников много как при дворе, так и в провинциях, то большинство их даже больших проступков останется скрыто.

Поэтому преданные престолу сановники бывают в опасности и умирают безвинно, а предатели и лживые благоденствуют, хотя и не имеют заслуг.

Если преданные будут в опасности и станут безвинно умирать, то честные чиновники скроются; если же коварные и фальшивые очутятся в вышеуказанном положении, то коварные сановники выдвинутся. Это – основание гибели.

При таком условии сановники, оставив закон, станут действовать, добиваясь личного значения и относясь легко к закону. Много их пойдет к людям влиятельным, ко двору же государя ни один не пойдет. Во многих случаях станут думать о личных удобствах и ни в одном не станут заботиться о государстве повелителя. Число первых хотя и будет значительно, но этим не создать почет государю; хотя чиновников будет вполне достаточно, но не для службы государству.

В этом случае, хотя у государя и будет звание владыки людей, в действительности он будет на содержании у чиновников.

Поэтому я и говорю: при дворе государства, обреченного на гибель, нет людей.

Однако отсутствие людей при дворе не указывает на упадок правительства. Личные дела устраиваются, но чиновники не заботятся об улучшении государства; сановники стремятся к взаимному почету, не обращая внимания на почет государя; низшие чиновники жалованьем поддерживают связи, не считая делом службу.

Дело обстоит так потому, что государь не ставит выше всего решений на основании закона, а поступает, доверяя низшим.

Поэтому разумный государь выбирает людей, руководясь законом, но не сам; определяет заслуги на основании закона, не определяя их сам. Способные тогда не заслоняются, а неудачники не могут прикрасить себя; получающие одобрение народа не выдвигаются перед государем, а порицаемые не удаляются. В таком случае между сановниками и государем ясно определяется все, и легко тогда править, почему государь во всех случаях, утверждая и запрещая, и применяет закон.

Это возможно, если правитель поступает, руководясь только законом.

Способные тогда, будучи сановниками, отдают свои таланты на службу государю, не имея двоедушия, и правительство не решается отказываться от дела низкого, а войска – от опасности. Покорность высшим считается послушанием закону государя; все спокойно ждут приказаний его, не разбирая, насколько они правильны.

Поэтому они не говорят личного, не видят частного, смотрят и говорят глазами и речами государя, а последний всячески устраивает их.

Чиновников можно сравнить с руками: ими чешут голову и приводят в порядок ноги, они помогают теплом при холоде и прохлаждают при жаре. Когда острый меч грозит телу, руки не решаются не схватить его.

Если нет способных и пристрастных к личным интересам чиновников и служак, отдающих предпочтение личному, народ имеет друзей, не переходя предела деревни, и нет у него необходимости бежать в иные края от произвола чиновников. Знатные и подлые не переходят границ, глупые и мудрые занимают соответствующие положения. Это идеал правления.

Бесчестны, по-моему, те, кто, презирая звание и жалованье, считает легким делом уйти из владения, чтобы выбрать себе государя; лишены преданности те, кто, говоря коварно, идет против закона и вопреки воле государя, упорно увещает его.

Не могу назвать гуманными поступающих милосердно, оказывая людям пользу, и считающих славой приобретение расположения низших.

Я не считаю долгом удаление от людей и пребывание в отшельничестве, одновременно с отрицательным отношением к высшим. Если пользуются извне удельными князьями, а у себя в государстве разоряют его и следят за моментами опасности, чтобы устрасить своего повелителя, говоря: «Без меня не будет расположения в дружбе с другими князьями, и недовольства без меня не разрешить», и государь слушает, вверяя им все государство; они умоляют имя его ради собственного прославления, разрушают богатство государства, чтобы обогатить

свою семью, – я не назову этого мудростью. Все это встречало сочувствие во времена опасные и устранялось законами прежних царей.

Законы прежних царей гласили: «Сановники никогда не должны иметь авторитета государя и добиваться богатства; следуя указаниям его, они не должны делать дурного».

Когда следовали дорогой царей, народ в древности, в период порядка, исполнял общий закон, установленный для всех и преследовавший интересы всего владения, оставив личные планы, и стремился всеми помыслами исполнить обязанности.

Если бы государь лично проверял всех чиновников, то ему не хватило бы ни времени, ни сил. К тому же если государь сам смотрит, то низшие чиновники приукрашают то, на что смотрят; если он сам лично слушает, то низшие чиновники приукрашают слышимое; если государь сам раздумывает, то они много говорят.

Прежние цари считали эти три способа (лично все видеть, слышать и думать) недостаточными, почему, не считаясь с собственными способностями, и стали руководиться законом, разбираясь в наградах и наказаниях.

Они охраняли существенное, поэтому законы были просты и не губительны, и цари сами управляли всей вселенной.

Способные и умные не могли применить своего коварства, и опасность не была связана с их красноречием.

Не было поводов к предательству и лживости. Вдали от двора, за 1000 ли не решались относиться легко к их словам и при положении равном занимаемому Ланчжун не смели заслонять государя и искусно приукрашать дурное. Правительство, чиновники и низшие даже в мелочах не решались переступить закон. Поэтому, когда устраивали то, для чего не хватало сил, одного дня оказывалось много, и это было естественным использованием государем положения.

Поглощение государя чиновниками похоже на движение по земле, когда постепенно двигаются вперед, не замечая расстояния.

Если государь теряет свои основания – это все равно что восток и запад поменялись местами, не заметив этого.

Поэтому-то древние цари устроили компас, чтобы знать, где утро, где вечер.

Ввиду этого разумный государь направляет своих чиновников так, чтобы мысли их не бродили вне пределов закона и они не творили милосердия, не указанного законом, но действовали только сообразно закону: последний пресекает нарушения, как и личные побуждения.

Строгими наказаниями добиваются исполнения приказаний низшими. Авторитет государя не отдается другим, а управление не ведется совместно с другими, так как в этом случае вся лживость процветает.

Если законы не пользуются доверием, то положение государя становится опасным; при нерешительности же в наказаниях лживости не одолеешь. Поэтому и говорится: «Искусный мастер на глаз определяет линию, он, однако, сначала наметит ее циркулем и угольником». Высокоразумный правитель, начиная правильное дело, непременно сравнивает его с законами прежних царей.

Линия проведена, и кривизна дерева срубается, уровень установился, и высокие части снимаются. Весы пришли в устойчивое положение, с тяжелого снимают и кладут к легкому; меры определены, и большим добавляют меньшее.

Поэтому если править государством на основании закона, то применяют его ко всему.

Закон не отступает перед знатностью, как и прямая линия не идет вокруг ломаной. От требования закона мудрый не может отказаться, и храбрый не решится оспаривать его.

В применении наказаний за проступки не мирволят сановникам и, награждая умение, не оставляют милостями простых смертных, почему для исправления опущений высших, лживо-

сти низших, пресечения смуты и разрешения ошибок, для уменьшения излишка и пополнения дефектов, для установления единства и объединения народа нет ничего выше закона.

Чтобы подчинить чиновников и внушить авторитет народу, чтобы удалить распушенность и опасность, как и для того, чтобы прекратить коварство и фальшь, нет лучше средства, как наказания. Если наказания тяжелы, то знатные не решаются презирать низших; если законы тщательно изучены, правитель пользуется почетом, и на него не покушаются, а при этом условии он силен и блюдет существенное.

Поэтому-то прежние цари, считая ценным закон, передали его потомкам. Если же государь, пренебрегая законом, будет руководиться личными взглядами, то высшего не отличить будет от низшего.

Два средства

У разумного государя только два средства, которыми он руководит сановниками: наказания и награды.

Казни – это наказания, награждения – это благодеяния. Чиновники боятся наказаний и считают полезными награды. Поэтому, если владыка людей сам применяет свои наказания и награды, сановники боятся его авторитета и приобщаются к исходящим от государя выгодам.

Что же касается современных коварных сановников, то дело обстоит не так. В отношении тех, кого они ненавидят, они могут увлечь на свою сторону государя, чтобы наказать их благодаря своему влиянию, и сделают так, что государь наградит чрез них своих любимцев.

Если владыка людей не ведет дело к тому, чтобы влияние и польза наград и наказаний исходили от него, он слушает своих сановников и дает те награды и наказания, которые они требуют, тогда все население государства боится его сановников, легко относясь к нему самому. Оно переходит на сторону его сановников, уходя от государя. Это бедствие является результатом утраты государем силы наказаний и наград.

Тигр может осилить собаку, благодаря когтям и зубам. Если бы тигр лишился своих когтей и зубов и ими воспользовалась собака, то тигр был бы покорен собакой.

Государь, пользуясь наградами и наказаниями, правит сановниками.

Если же он, оставив это право, предоставляет сановникам применять его, то он будет в руках сановников.

В настоящее время сановники пользуются обоими средствами (наказаниями и наградами), поэтому положение современного государя опаснее положения древних правителей.

Не бывает правителей, которых бы грабили, убивали, скрывали от народа или заслоняли, если, утратив власть над наказаниями и наградами и предоставив пользование ими сановникам, они не оказались бы в опасном положении.

Если правитель намерен положить конец предательству, он расследует и объединяет наказания и определения преступлений так, чтобы слова не расходились с делом.

Чиновники излагают дело, государь же по словам их выносит приговор; поручая дело специально, он требует выполнения поручения. Если исполнение соответствует делу, а дело словам, то награждает, в противном случае наказывает.

Поэтому тех чиновников, слова коих громки, а дела ничтожны, он наказывает. В данном случае он наказывает не за малый результат, а за то, что исполнение не соответствует тому, что говорил чиновник. Наказывает он также и тех чиновников, кои, говоря о малом, совершили многое. В последнем случае государь печалится не о крупных результатах, а о несоответствии слов с делом: беда от несоответствия слов с делом значительнее самого удачного результата; поэтому он и наказывает.

В древности ханьский удельный князь Чжао, опьянев, заснул. Заведовавший шляпами чиновник видел, что государю холодно, и потому прикрыл его платьем. Тот, проснувшись, обрадовался и спросил приближенных: «Кто это сделал?» Последние ответили: хранитель шляп. Государь вследствие этого одновременно казнил хранителя шляп и наказал хранителя платьев. Он наказал второго за упущение, а первого за превышение компетенции. Нельзя думать, чтобы он любил холод, но он считал, что вред от нарушения обязанностей сильнее холода.

Поэтому разумный владыка держит сановников так, что они, не превышая в заслугах своих обязанностей, не могут говорить несоответственно: за превышение компетенции их убивают, за несоответствующее же – наказывают. Если они исполняют свои обязанности, не превышая власти, и говорят соответственно делу – это прямота; в таком случае сановники не будут действовать совместно, как люди партийные.

У владыки людей два беспокойства. Если брать на службу способных, то сановники будут пользоваться способностями, чтобы ограбить своего государя; если же выдвигать людей безрассудно (не разбирая, способны они или нет), то в делах будет помеха, и они не будут преуспевать. Поэтому если государь любит способных, то сановники станут заботиться о внешней красоте своих действий, дабы приобрести расположение государя, а в этом случае истинные чувства сановников не обнаружатся. При таком условии у государя не будет данных различать своих сановников.

Поэтому, когда князь Юэ любил храбрость, большая часть населения Юэ легко относилась к смерти. Так как князь Лин в уделе Чу любил тонкие талии, в уделе много бывало голодных. Князь Хуань удела Ци был ревнив и любил свой гарем, поэтому Шу Дяо сделался евнухом, чтобы управлять им. Князь Хуань любил есть хорошо, и И Я, зажарив голову своего сына, подал ее государю. Цзы Куай из удела Янь любил добродетельных, почему Цзы Чжи сделал вид, что он не принимает государства (которое ему уступал Цзы Куай).

Вследствие этого если государь обнаруживает свою антипатию к чему-либо, то сановники скрывают все, что может ее возбудить; если же он обнаруживает свои симпатии, они обманывают своими способностями.

Когда желание государя обнаружено, они приобретают материал для своих целей.

Поэтому Цзы Чжи прибег к добродетели, чтобы отнять престол у своего государя; Шу Дяо и И Я руководствовались желаниями государя, чтобы погубить последнего, и в результате Цзы Куай умер благодаря смуте, а князь Хуань покрылся червями и не был похоронен после смерти. В чем же причина этого?

Правители, обнаружив свои чувства, навлекли на себя беду от сановников.

Сановники отнюдь не обязательно могут питать любовь к государю, но имеют известные чувства к нему благодаря крупной выгоде, которую они от него получают. Если государь не скрывает своих чувств и причин своих действий, а предоставляет сановникам сведения, благодаря которым они могут погубить своего государя, тогда сановникам не трудно стать такими, какими были Цзы Чжи и Тянь Чан.

Поэтому я и говорю: если удалить свои симпатии, то сановники обнаружат свои чувства, а при последнем условии великий государь не будет заслонен сановниками (от народа).

Возвышение власти

Небо имеет свои великие предопределения, а человек – свои.

Прекрасный запах и тонкий вкус крепкого вина, жирное мясо, приятное для рта, скрывают в себе болезнь. Прелестный вид и улыбка, белые зубы, радуя чувства, вредят энергии. Поэтому и удаляют чрезмерность и излишество, и телу тогда нет вреда.

Секрет пользования людьми состоит в том, чтобы не обнаружить, что в действительности вы бездеятельны.

Дела исполняются чиновниками, окружающими государя, сам же он – в центре. Мудрец в руках держит главное, и все исполняется. Он беспристрастен и ждет, они же сами являются. Все скрыто; он же, руководясь скрытым сановниками, обнаруживает видимое. Когда назначены помощники, он, открыв ворота, стоит посреди них.

Они не меняются, и он действует совместно с чиновниками и действует непрерывно. Это называется поступать по закону.

Для вещи есть должное, для знания – то, что должно применить. Все должно занять соответствующее место.

Поэтому и высшие и низшие бездеятельны.

Если заставить петуха быть стражем ночи, а кошку ловить мышей, они применяют свои способности, и государю тогда нечего будет делать.

Когда правитель имеет в чем-либо превосходство и проявит его, тогда в делах не будет совершенства. Если он хвастлив и любит пользоваться своими способностями, низшие его обманут. Если он искусен в речах, милостив и любит жизнь, низшие воспользуются этими способностями.

Если государь и чиновники переменяются местами при исполнении обязанностей, государство тогда не устроится. Применяя единый путь, считают главным определения.

Если термины правильны, вещи определяются; если термины неправильны, вещи меняют значение. Поэтому мудрец держится единого для достижения покоя, предоставляет терминам принимать реальные формы, делам определяться.

Он не обнаруживает своих действий, поэтому чиновники правдивы и действуют правильно. Государь на основании способностей берет их на службу, заставляя самих решать дела; руководясь ими, поручает дела, и чиновники действуют; определяет их места, заставляя самих решать.

Государь на основании явлений дает им определения (имена). Если не понимают имени, он тогда еще раз старается выяснить поступки их. Когда имя и дело оказались тождественны, он применяет результаты этого исследования.

Если и то и другое действительно заслуживают доверия, тогда чиновники обнаруживают государю свои истинные чувства.

Он внимательно относится к делам, ожидая повелений неба. Только не утративший важного может быть мудрецом.

Согласно пути последнего, удаляют мудрость и искусство: без этого трудно установить постоянное.

Когда мудростью и искусством пользуется народ, людям часто грозят беды, а если ими пользуется государь, владение его бывает в опасности и гибнет. Руководясь путем неба и определяя все, согласно смыслу дела при его рассмотрении, он испытывает и проверяет их, тогда после исполнения дела руководящее начало сохранено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.